

1

Тамсин

Сегодня день контрастов. День, когда я делаю что-то в последний раз и впервые, день грусти и тихого предвкушения. Я в последний раз проверила почтовый ящик родителей и впервые написала свой новый адрес на посылках, к недовольству почтальона доверху заполненных книгами и пластинками. На похоронах дедушки я попрощалась с самым важным человеком в моей жизни, но в то же время с оптимизмом и интересом жду, что готовит мне будущее.

Уже полчаса я сижу одна в старой детской — в розовом аду, где ничего не отражает меня, но так много говорит о моей маме.

Последних соболезнований от соседей я не вынесла. Сначала протягивали руку моему отцу:

— Мистер Уильямс, сочувствуем вашей утрате. — Потом обнимали маму: — Миссис Уильямс, соболезнуем вам. — И никому не приходило в голову выразить соболезнования мне, хотя я единственный человек в этом доме, для кого умерший что-то значил.

Из кухни доносится звон посуды. Значит, родители внизу и не заявятся сюда неожиданно. Иначе то, что я сижу на полу среди гор одежды и собираю чемодан, вызовет вопросы. Расспросы перейдут в ссору, и тогда мне придется забыть о своих планах. Планах, которые должны изменить

мою жизнь. Которые, стоит подумать о них, вызывают в теле волнующее покаяние.

Я сбегу отсюда. Сегодня ночью, пока все будут спать, оставлю Росдэйл и начну новую, студенческую жизнь в Перли, почти в трех тысячах миль отсюда. Я ждала только, чтобы попрощаться с дедушкой. Когда он оставил меня одну, я поняла, что время пришло. Больше ничего не держит меня в этом захолустье. Абсолютно ничего.

Я не стала составлять список вещей, которые надо упаковать. Наверно, это не лучшее решение, но то, что хочу взять с собой, найти легко. Закидываю в чемодан одежду, которую выбирала сама. Все, что мне покупала мама, летит обратно в шкаф. Теперь это я принимаю решения. Дедушкины похороны — последний раз, когда позволила кому-то диктовать, что мне надеть.

Винтажные платья из секонд-хенда, вышитая хиппи-блузка с блошиного рынка, джинсы восьмидесятых из гардероба тети, которые она собиралась выбрасывать, — все это попадает в чемодан. Ничего из этого я не могла носить без того, чтобы родители не морщились, увидев меня. Не раз я отправлялась обратно в комнату надеть «что-нибудь приличное».

Я не только оставляю в Росдэйле строгие правила родителей, но и отказываюсь от надежды когда-нибудь наладить с ними отношения.

Ненадолго задумываюсь, что делать с кружевным бельем. Мне, скорее всего, понадобится замена, если все остальное окажется в стирке. В итоге я высыпаю в чемодан все содержимое ящика.

Живи полной жизнью. Я последую дедушкиному совету. Начиная с этого момента. Сегодня в последний раз играла роль послушной девочки. И впервые приняла значимое решение. У меня на лице расцветает улыбка, когда осознаю, что все это скоро останется в прошлом.

Я уже вижу, как обсуждаю с однокурсниками литературу и работаю в библиотеке, пока не закипит мозг. Хожу с Сэмом на дикие студенческие вечеринки и знакомлюсь с новыми людьми.

Сэм — мой лучший друг, моя лучшая половина. И после всего, что случилось, — единственный мужчина, которому я позволю приблизиться к себе, пока мне не исполнится лет восемьдесят. Долгое время мы были соседями, а потом он уехал учиться в Калифорнию. Сейчас получает ученую степень в Перли. Я собиралась сообщить ему, что у меня изменились планы и я еду в Калифорнию. Но среди приготовлений и похорон до сих пор не нашлось времени ему позвонить. Я решила, что текстового сообщения будет недостаточно. Хотелось слышать его голос, когда он узнает эти потрясающие новости.

Когда представляю, что меня ждет, покалывающее ощущение в теле усиливается. Отъезд больше не мечта, а реальность. Я вытираю влажные ладони о кофту «привет из девяностых», от которой была бы без ума какая-нибудь секретарша предпенсионного возраста, и забрасываю ее в шкаф. Затем сажусь на чемодан, чтобы застегнуть молнию. Надеюсь, швы не разойдутся.

Мой взгляд блуждает по комнате. Ничего из вещей, которые останутся здесь, не имеет для меня значения. В подсвеченной витрине выстроились отвратительные фигурки, которые мама каждый год дарит мне на день рождения, — разумеется, слишком ценные, чтобы в детстве мне разрешали с ними играть. На комод стоят кубки — свидетельства побед на соревнованиях по правописанию и конкурсах чтецов. Бирюзовое чудовище, притворяющееся бальным платьем, которое мама заставила меня надеть на выпускной, висит на открытой двери в гардеробную. Как ни стараюсь, у меня не получается вспомнить, чтобы мама хоть раз при-

слушалась к моим желаниям, не говоря уже о том, чтобы отнеслась к ним с уважением. Моя комната — ее интерьер. Мой выпускной бал — ее платье. Мои друзья — ее вердикт.

Я в последний раз ложусь в свою постель. Решаю не раздеваться, чтобы быть готовой, когда в четыре утра зазвонит будильник. На тумбочке лежит потрепанный томик «Винни-Пуха». Прочитываю пару страниц перед сном. Твердо убеждена: если заснуть за чтением, приснится что-то красивое. С книгой в руке, вдыхая неприятный сладковатый запах кондиционера для белья, я медленно закрываю глаза.

Первый звонок будильника — и я мгновенно просыпаюсь. Не уверена, спала ли вообще. Вызываю *Uber*. Дом, адрес которого ввожу, находится за углом. Нельзя допустить, чтобы родителей разбудил звук двигателя. Тихо прокравшись в ванную, чищу зубы и умываюсь. Я выгляжу в зеркале немного иначе, не так, как несколько дней назад. Взрослее. Мне в самом деле больше здесь не место. Вьющиеся каштановые волосы рассыпались по плечам. На меня смотрят широко распахнутые карие глаза. Я улыбаюсь девушке в зеркале, будто пытаюсь сказать, что все правильно. И мое отражение впервые за долгое время уверенно улыбается в ответ.

Я начинаю новую жизнь. Вот о чем говорит мой вид. Новая жизнь. Без дедушки, но и без... Нет, запрещаю себе даже думать о нем. И без родителей, которые предпочли бы вечно удерживать меня в Росдэйле и не оставили мне выбора, когда заявили: «Либо ты учишься здесь, либо не учишься совсем». Но сейчас это я не оставляю им выбора. Я приняла твердое решение жить собственной жизнью. И не позволять им заражать меня своими страхами и опасениями.

Зубная паста и щетка оказываются в рюкзаке вместе с «Винни-Пухом». Эта книга отправляется в свое первое

большое приключение. Надеваю рюкзак и поднимаю чемодан на колесиках. Чтобы не шуметь, придется его нести.

До первого этажа добираюсь почти бесшумно. И только тогда позволяю себе выдохнуть. Сердце колотится. Ставлю чемодан на пол, радуясь, что можно дать рукам немного передохнуть. А потом направляюсь в гостиную. Свет включать не решаюсь и пробираюсь в полумраке на ощупь. Моя рука натывается на дизайнерский стеклянный столик, на котором стоит коллекция суккулентов матери.

Из кармана брюк достаю слегка помятое письмо и приклоняю его к одному из горшков. В нем я сообщаю родителям, что уезжаю в Перли, чтобы жить своей жизнью. Может, это не самый изящный способ попрощаться, но после событий последних дней я не в состоянии вести с ними борьбу. А это будет борьба. Проще поставить их перед фактом. Для них так тоже будет легче. По крайней мере, надеюсь на это.

Напротив стеклянного столика стоит старомодный диван с цветочным узором, к которому нельзя приближаться с едой. Пальцы поглаживают обивку. Захлестнет ли меня сейчас небольшой волной ностальгии или меланхолии? Два шага вперед, и я чуть не врезаюсь в массивный темный секретер, за который родители отдали целое состояние на антикварном аукционе. Это тема номер один для разговоров на скучной вечеринке.

Вернувшись в прихожую, осторожно роюсь в гардеробе. На полке для обуви нахожу любимые кеды. Для родителей они были как бельмо на глазу. По их мнению, в таких ходят только «сомнительные подростки». Но впервые мне совершенно все равно, что они думают или говорят. Я беру куртку, так как по ночам в начале сентября в штате Мэн бывает довольно холодно.

Когда открываю дверь, мне в лицо дует свежий ночной ветер. Сделав глубокий вдох, переносу через порог чемо-

дан. Аккуратно, сантиметр за сантиметром, прикрываю дверь, пока с тихим щелчком не срабатывает замок. Получилось!

Мне не хватает смелости везти чемодан, так что я несу его по подъездной дорожке. И только когда оказываюсь на улице перед домом, ставлю его на землю и в последний раз оглядываюсь. Сделав из больших и указательных пальцев квадратную рамку, я смотрю сквозь нее на родительский дом. Мне хочется сохранить этот миг в воображаемом фотоальбоме — прощание с Росдэйлом. Я представляю, как опускаю затвор камеры. Этому меня научил дедушка, когда я еще была маленькой. Мне вспоминаются его слова: «Так можно навсегда запечатлеть моменты, которые предназначены для тебя одной». Это первый снимок в моем новом альбоме.

Я иду по темной улице, вокруг ни души. Кроме моих шагов и тихого пыхтения, так как чемодан с каждой минутой становится все тяжелее, не слышно ни звука. Свернув за угол, вижу *Uber*.

Водитель, угрюмый пожилой мужчина в бейсболке, без особых усилий поднимает мой чемодан и кладет в багажник.

— Ну, и куда едем? — спрашивает он.

— В аэропорт, пожалуйста, — с дико стучащим сердцем отвечаю я.

2

Рис

— Что ж, мистер Болтон, — говорит Пауэлл, один из охранников, — ради нас всех надеюсь, что мы вас тут больше не увидим.

Впервые меня назвали «мистер Болтон». Прошлые шесть лет я был либо «Болтоном», либо «52 899», заключенным тюрьмы Перли для несовершеннолетних.

Пауэлл протягивает мне старый полиэтиленовый пакет.

— Ваши вещи, — произносит он.

В пакете лежат джинсы и футболка — шмотки, которые были на мне, когда меня закрыли здесь в пятнадцать лет. Я уже тогда вырос из них. Без понятия, что мне делать с этим сейчас, но я послушно беру пакет и расписываюсь в получении.

Пауэлл проводит меня по длинному коридору с дверями повышенной безопасности и тамбурами, который отделяет крыло № 2, где я жил последние несколько лет, от выхода. По потолку змеятся металлические и пластиковые трубы, и, кажется, вся эта конструкция гудит.

Кто-то в недрах бездушного здания нажимает на кнопку. Звучит гулкий предупреждающий сигнал — дверь разблокирована. Она автоматически открывается, и я переступаю порог. Наконец свобода. Через шесть гребаных лет. Солнце ослепляет, и мне приходится зажмуриться. Я стою на

асфальтированной площадке перед тюрьмой для несовершеннолетних и чувствую, что сейчас должно случиться что-то грандиозное. Мир должен поприветствовать меня, Риса Болтона. Но мир не такой, каким был, когда я попрощался с ним в пятнадцать лет. Я ему не нужен, а мне ничего о нем не известно. Мы совершенно чужие друг для друга.

Сделав шаг, оглядываюсь назад. До сих пор не могу поверить. Но дверь, через которую я только что вышел, действительно закрывается... а я все еще стою здесь. Вне высоких стен, которые душат любую радость, любую мечту. Снаружи. Наверно, я должен быть счастлив и чувствовать себя легким как перышко. Но я ничего не чувствую. Лишь замечаю, что джинсы и толстовка с капюшоном, которые дала мне социальная работница, слишком теплые для калифорнийского лета. А толстовка мне еще и велика. Впрочем, в старые вещи, которые лежат в пакете как единственное напоминание о прежней жизни, я бы уже не влез.

У меня не осталось ничего общего с тем мальчишкой из прошлого. Если не сможешь противостоять говнюкам в тюрьме, тебя уничтожат. Теперь я могу проломить череп любому уроду, который подойдет слишком близко.

Хотя я знаю, что нужно делать дальше, продолжаю стоять в нерешительности. Не хочу идти к Эми. Это социальная работница, которая так хорошо разбирается в размерах одежды. Она нашла мне комнату в съемной квартире и устроила на работу в кафе, где «таким людям», как я, дают второй шанс. Эми написала мне адрес соцслужбы, мне нужно отметить там, когда я «окажусь на свободе». Но у меня нет желания. Ни общаться с Эми, ни посмотреть комнату, ни идти на работу. Я хочу остаться здесь и однажды просто раствориться в воздухе. Исчезнуть. Эта жизнь не для меня. Для кого-то другого — да. Но не для меня. А для меня все кончено.

Но есть одна вещь, в которой я себе поклялся. Одна мысль, которая помогала мне держаться. Образ возникает у меня в голове. Картинка размыта, много времени прошло. Но я цепляюсь за нее. И вдруг понимаю, что иду вперед. Может, дело еще и в том, что подошвы ботинок (которые мне малы) слишком тонкие и горячий асфальт начинает обжигать ступни. У меня, по крайней мере, есть цель. А чтобы ее достигнуть, я должен знать, где *он* их прячет. Для этого мне потребуется доступ в интернет. А значит, мне нужны берлога и ноутбук. Для чего, в свою очередь, мне нужна работа. А следовательно, мне не обойтись без Эми.

У меня нет ни цента на автобус, который ходит раз в час, если верить расписанию, хотя в нем сложно что-то разобрать, настолько оно пожелтело. Ко всему прочему, кто-то написал на нем перманентным маркером свои чертовы инициалы.

Так что я иду пешком. Придется пересечь мой старый район. *Наш* старый район. Думаю, не отправиться ли в обход, чтобы не видеть наш дом, воплощение пустоты, которую я ощущаю. Потому что их там больше нет.

Любопытство побеждает, поэтому я продолжаю шагать вперед по раскаленной дороге. В полосках травы по обеим сторонам громко стрекочут сверчки. Тротуара нет, но тут почти не ездят машины. Добравшись до первых домов, я поражаюсь, как же здесь хреново. Вероятно, в воспоминаниях я приукрасил место, где родился, как и свою невеселую жизнь. Окна смотрят на меня черными дырами. Во двориках перед домами валяется мусор, медленно обрастая сорняками.

Я сворачиваю на нашу улицу. У обочины припарковано несколько грязных машин, которые выдали лучшие времена. Из дома раздается детский крик и тут же стихает. В этом районе проблемы и споры решаются без слов.

Через силу переставляю ноги, почти не осмеливаясь поднимать взгляд. От дома, в котором провел детство, меня отделяют метров сто. Я заставляю себя продолжать идти. Мне необходимо почувствовать эту боль. В последний раз.

Остановившись перед входом, поднимаю глаза. Маленький ветхий домик. Серый фасад в трещинах. Шаткая деревянная лестница ведет к двери с рваной москитной сеткой.

Судя по всему, в доме кто-то живет, потому что я замечаю в окнах новые шторы. Смотрю на второй этаж. Там, наверху, была моя комната. Комната, из которой выволокли меня, невинного пятнадцатилетнего подростка. У меня внутри все сжимается. Я слышу детский смех из прошлого и как мама гремит посудой на кухне. И его рев. Его ярость.

Я отворачиваюсь. Быстро иду дальше. Для меня это место умерло. Нужно найти другой дом, где зло не доберется до нас. Я стану сильным ради нас. Сильнее, чем когда-либо. Я справлюсь. С жизнью, со свободой. При этой мысли на меня накатывает тошнота, и я опираюсь на капот машины, потому что мне вдруг становится нечем дышать. Ржавый металл уже успел нагреться, и я чуть не обжигаю пальцы.

Мне нужна помощь Эми.

Полчаса спустя я оказываюсь перед разваливающимся зданием, на втором этаже которого находится офис соцслужбы. Звонок висит на торчащих из стены проводах, и я даже не пробую на него нажать. Открываю стеклянную дверь, к внутренней стороне которой прилеплены листовки. Реабилитационные клиники, группы самопомощи, телефон службы душепопечительства¹, вся бесполезная дребез-

¹ Душепопечительство — духовное наставничество, психологическая помощь священника прихожанину церкви. (Здесь и далее примечания переводчика.)

день, к которой прибегают, когда уже не на что надеяться. Но «эй, позвони нам, и все наладится!». Да, конечно. Скорее уж «позвони нам, чтобы мы могли успокоить свою нечистую совесть».

Надеюсь, Эми не такая. Она приходила ко мне пару раз за последние несколько недель и казалась адекватной. Не то чтобы это имело значение, но я не средство для достижения чьей-то цели. Я здесь определенно не для того, чтобы успокаивать ее совесть, если именно это ее волнует.

На лестничной клетке после прогулки по ужасной жаре меня встречает приятная прохлада. Я вытираю лоб рукавом и поднимаюсь по ступенькам. Стены увешаны плакатами дурацких программ. Подростки-правонарушители, которых надо вернуть в общество, но исправительные курсы — не для меня. Добравшись до площадки, пару секунд колеблюсь. Что, если я не отмечусь у Эми и никогда больше не вернусь в эту дыру, где нет ничего, кроме страданий и отчаяния?

Но, конечно, я вхожу. Так привык к тому, что у меня нет выбора, что постоянно подчиняюсь. Насколько же я жалок. Ни малейшего представления о современном мире, ни воли, ни драйва.

Эми сидит за письменным столом, заваленным папками и документами. Она поднимает голову и улыбается мне.

— Привет, Рис! Ты уже здесь! А я думала, ты придешь только во второй половине дня, — слишком громко восклицает она. Похоже, мое освобождение воодушевляет ее сильнее, чем меня.

— Привет, — коротко отзываюсь я. У меня нет настроения для непринужденной беседы.

Она дружелюбно улыбается. Светлые волосы собраны на затылке в небрежный хвост. Она выглядит расслабленной. В отличие от меня. Я не знаю, куда встать, куда деть руки.